Ментальный факультатив. Уровень темных

Автор:
Лена Летняя

Ментальный факультатив. Уровень темных

Лена Летняя

Возвращение за Занавесь #2

Спасая короля, Лана была вынуждена оставить в субреальности сна Рейна, но с его потерей она не смирилась. Совершенствуя навыки сноходца, она снова и снова опускается на нижний уровень, чтобы найти того, кто стал для нее очень важен. Когда кажется, что надежды больше нет, Лана обнаруживает на нижнем уровне особое изолированное пространство, куда попадают после смерти темные маги – уровень темных. Ей удается вытащить оттуда Рейна, но, возможно, сделав это, она выпускает и нечто зловещее. Мир за Занавесью снова под угрозой, и героям нужно не только разобраться в собственных чувствах и отношениях, но и спасти его. Без помощи старших родственников – Марты Бренон и Марка Аранта – им не обойтись. Заключительная часть дилогии.

Лена Летняя

Ментальный факультатив. Уровень темных

Глава 1

Вечер тянулся долго, слишком долго. У Марты от фальшивой улыбки, приклеившейся к губам, давно свело мышцы, но она все равно настойчиво пряталась за этой маской. Кавалер – банковский служащий по имени Олаф,

свидание с которым ей организовала сердобольная подруга, – старался, но заинтересовать ее беседой у него катастрофически не получалось. Он много говорил о работе, что-то о кредитах и процентах по вкладам, что-то о безмозглых обывателях клиентах и еще более безмозглом начальстве. Создавалось впечатление, что в его картине мира существовал только один разумный человек – он сам.

Марта не знала, почему просто не уйдет. Был вечер среды, и она вполне могла сослаться на важные дела с утра и необходимость рано встать. Но вместо этого сидела за барной стойкой на высоком стуле, крутила в пальцах едва начатый бокал вина, с которым провела весь вечер, и улыбалась, рассеянно кивая собеседнику, но почти не слыша того, что он говорит. Олафу это не мешало: ему, казалось, и не требовалось ее ответов, устраивала роль оратора.

По меркам «Сияния» – ночного клуба, давно облюбованного студентами и персоналом Столичной Королевской Академии, в которой Марта преподавала, – вечер только начинался. Музыка звучала не очень громко, скорее, фоном, танцпол пустовал, разноцветный дым только выползал и пока был почти незаметен. Столики еще занимали люди, пришедшие поужинать, а не танцевать до утра, поэтому свободных мест практически не было.

– И вот я ему говорю: Карл, какой, к демонам, магоцикл? Не пройдет и полгода, как эти штуки запретят: слишком много недовольных. Лучше положи эти деньги к нам, сейчас ставка выше, но предложение будет действовать только пару дней. И он повелся, хотя там всего на полпроцента больше и предложение это мы повторяем через месяц для таких болванов, как он…

Олаф рассмеялся, а Марта вздохнула и все же не удержалась: посмотрела наверх, туда, где формально находилась зона для особых гостей, а по факту каждый вечер заседали члены Темного Ковена, решая с клиентами свои дела.

Он был там. Стоял у перил и смотрел на зал внизу, а точнее – на Марту. Давно ли? Судя по тому, сколько ей печет макушку, – достаточно давно. Черный костюм, темные длинные волосы, темно-карие глаза – Марк Арант, глава Темного Ковена, был словно соткан из тьмы и пропитан ею от головы до пят.

Сердце Марты пропустило удар, когда она поймала его взгляд, а потом забилось как пойманная в силки птица. Марта почувствовала себя той самой птицей,

когда поняла, что отвести взгляд уже не может.

И музыка, и голос раздражающего кавалера вдруг показались далекими, приглушенными, словно кто-то окружил ее звуковым пологом. В горле пересохло, и губы – тоже. Марта крепче сжала свой бокал, но так и не поднесла его к губам, чтобы сделать глоток.

Арант всегда смотрел на нее так пронзительно, словно пытался просветить насквозь. Еще полгода назад, заметь она на себе подобное внимание темного, Марта испугалась бы и постаралась больше не появляться в клубе, но за эти полгода столько всего произошло… Многое тоже пугало, но теперь уже совсем иначе.

Внезапно Арант «отпустил» ее: отшатнулся назад, прячась в темноте второго этажа, прерывая зрительный контакт. Музыка моментально вернулась, хлынула в уши как вода, в которую погружаешься с головой. Вместе с ней вернулся и голос Олафа.

– Так что скажешь?

Марта моргнула, переводя на него растерянный взгляд. Похоже, от бесконечных банковских баек кавалер все же перешел к какому-то предложению, которое она прослушала. И теперь понятия не имеет, что ответить.

– Я… – голос, которым она не пользовалась почти весь вечер, прозвучал хрипло: в горле по-прежнему было сухо. Марта все-таки сделала глоток вина, чуть откашлялась и виновато призналась: – Извини, я отвлеклась. Что ты сказал?

Олаф улыбнулся, но во взгляде проскользнуло заметное раздражение.

– О том и речь. Говорю: тут становится людно и шумно. Может быть, поедем ко мне? Там поспокойнее.

У Марты даже рот приоткрылся от удивления. Вот так сразу? Несмотря на то, что она за весь вечер не продемонстрировала не то что симпатии, но даже минимального интереса? Она растерялась: давно не была на свиданиях и никогда не умела резко отказывать людям, в том числе мужчинам, предпочитая

прятаться за тонной предлогов.

– Ты знаешь, я… – начала Марта, собираясь все-таки разыграть карту с множеством дел и необходимостью рано вставать, но ее внезапно перебили:

– Марта, добрый вечер, – прозвучал за ее спиной голос Аранта.

Ее стул сам собой развернулся – она вдруг оказалась спиной к «банкиру» и лицом к главе Ковена. Последний смотрел только на нее и делал вид, что она тут одна.

– А я все думал: вы это или не вы. Давно к нам не заходили.

– Эм… я… – только и смогла выдавить Марта, застигнутая врасплох.

– Эй, парень, что это значит? – возмутился Олаф. – Мы тут вообще-то общаемся, ты не заметил?

Лицо Аранта не переменилось, оно все еще выражало сдержанную приветливость, обращенную к Марте, но следующие слова определенно прозвучали для Олафа:

– Тебе бы исчезнуть, пока я тебя не заметил.

И лишь после этих слов он на мгновение перевел взгляд на «банкира», выражение лица его при этом стремительно изменилось, из приветливого превращаясь в угрожающее.

– Понял, – тихо обронил Олаф у Марты за спиной.

Не прощаясь, он слез со стула, схватил пальто и исчез. Марта даже толком не успела этого заметить. Зато ей хватило времени прийти в себя и из бессмысленно лепечущей школьницы снова превратиться во взрослую женщину, коей она и была.

– Быстро вы его, – хмыкнула Марта. – Люди всегда делают то, что вы хотите?

Арант улыбнулся. Широкой и открытой эту улыбку назвать было нельзя, но она все равно снова моментально изменила выражение его лица: угроза растворилась, вернулась доброжелательность, и даже появилась легкая грусть, которую раньше Марта замечала только тогда, когда они находились у Аранта дома.

– В данном случае я сделал то, чего хотели вы, – возразил он. – Вы просто умоляли о помощи и мечтали избавиться от этого парня. Скажете, не так?

– Не скажу, – Марта вернула ему улыбку. – Спасибо.

– Могу теперь я угостить вас чем-нибудь?

Она быстро качнула головой и отвела взгляд, торопливо соскользнула со стула, снимая с низкой спинки короткую меховую куртку, в которой пришла.

– Извините, Марк, но мне пора, завтра…

– Много дел, и вам надо рано вставать, – закончил Арант за нее, его улыбка стала снисходительной.

Да, в общении с ним она слишком часто использовала этот предлог.

– Тогда позвольте вас хотя бы проводить.

На этот раз Марта не нашла повода отказать.

Они вышли из клуба и словно провалились в другую реальность: тишина, никаких цветных огней, переливающихся то тут, то там, никакого дыма. Холодный вечерний воздух был чистым и прозрачным, уличные световые шары разгоняли тьму равномерным желтоватым светом, а с неба сыпались, порхая и танцуя, крошечные редкие снежинки.

Марта и Арант остановились под козырьком крыльца. Она поторопилась запахнуть и застегнуть пуговицы меховой куртки, чтобы закрыться от холодных порывов ветра, а он выставил вперед руку, ловя ладонью снежинки.

Одна приземлилась на указательный палец и тут же растаяла, превратившись в прозрачную каплю. Марта, наблюдавшая за судьбой снежинки, непроизвольно подумала, что у ее спутника, должно быть, очень горячие руки.

– Зима все никак не уймется, – пробормотал Арант, не глядя на Марту. Он смотрел в темное небо, сыпавшее снегом. – Скоро смена года, а все еще идет снег.

– Бывает. Но весна все равно наступит. Всегда наступает.

Он кивнул, опуская ладонь и предлагая Марте локоть как безукоризненный джентльмен. Ему хорошо удавалась эта роль, несмотря на происхождение. Впрочем, кто теперь помнил мальчика из трущоб, каким он был когда-то? Марте в него даже верилось с трудом, хотя Арант сам рассказывал ей об этом. Но то были времена задолго до их знакомства. Даже до ее рождения: Арант ведь на добрых двадцать лет старше.

– Вы давно не заходили к нам, – заметил он укоризненно, медленно шагая с ней по пустынному тротуару.

Или укор ей только почудился, потому что она сама чувствовала себя виноватой за то, что перестала навещать Рейна? Марта продолжала мысленно называть друга так, хотя и знала теперь, что его настоящее имя Марек. Она понимала, как выглядели со стороны оборвавшиеся визиты: как будто она тоже потеряла надежду и похоронила застрявшего в субреальности сна приятеля.

И ведь не объяснишь, почему на самом деле она избегает визитов в особняк Аранта…

– Было много работы, – вздохнула Марта, понимая, что слова звучат неубедительно. – Конец семестра, сессия – сами понимаете.

– Да, я знаю, Лана говорила, – кивнул Арант. – Но теперь ведь начались каникулы, разве нет?

– Да, уже начались.

Он остановился, поворачиваясь к ней лицом, заглянул в глаза, отчего ее пробрала нервная дрожь, а взгляд сам собой опустился ниже, на его губы. Марта тяжело сглотнула и опустила голову еще ниже, чтобы смотреть на что-то более безопасное: на пуговицы его пальто, например.

– Мой дом всего в паре минут ходьбы отсюда, вы почти не потеряете времени, если зайдете сейчас.

Его голос прозвучал тихо, но настойчиво, слегка вибрируя и как будто обещая нечто большее. Сердце вновь ударилось о ребра, Марта стиснула зубы, пытаясь унять охватившее ее волнение. Она почти не смотрела на него, но память услужливо подсовывала то его руки, то губы, и Марта понимала, что если все-таки окажется вечером в его городском доме, с ним наедине, то уйдет оттуда только утром. Потому что стоит ему хотя бы раз ее коснуться, привлечь к себе и поцеловать… Остановить его она уже не сможет. Не захочет…

– Марта, вы что, боитесь меня? – Арант по-своему истолковал ее молчание, нежелание смотреть ему в глаза и дрожь, которую ей наверняка не удалось скрыть. – Разве я когда-нибудь давал вам повод опасаться меня?

– Вы глава Темного Ковена, – с трудом выдавила она. В горле снова пересохло, поэтому голос опять прозвучал хрипло. – Вас все боятся.

– Неправда. Король меня не боится, равно как и королева. И даже ваша сестра меня не боится.

– Король и королева стоят выше вас, а Лана вообще девочка бесстрашная, – смущенно улыбнулась Марта. – Я не такая, как она. Никогда не была такой.

– Я вас не съем, – пообещал Арант с улыбкой. – Но другого случая навестить его и попрощаться может и не быть.

Она вскинула на него удивленный и немного испуганный взгляд. Арант продолжал улыбаться, но только заглянув в его глаза, Марта поняла, что улыбка всего лишь маска, за которой прячется невыносимая боль родителя, безвозвратно теряющего свое дитя. Он кивнул, отвечая на незаданный вопрос:

– Настало время отпустить его. Мы исчерпали все возможности. Лана угробит себя, если продолжит пытаться. А он не хотел бы этого. И не простил бы мне, если бы я продолжил ее поощрять.

Марта почувствовала, как перехватило горло и защипало глаза. Забывая о страхах, что терзали ее секунду назад, она качнулась вперед, сокращая и без того неприлично маленькое расстояние между ними, коснулась рукой его груди в утешающем жесте.

– Марк, мне так жаль, – произнесла искренне дрогнувшим голосом.

«Но я благодарна», – эти слова остались непроизнесенными, но отразились в ее глазах.

Да, ей было невыносимо больно от мысли, что надежды вернуть лучшего друга больше нет, но она видела, как бесконечные попытки его спасти, неизменно заканчивающиеся провалами, постепенно убивают ее младшую сестру-сноходца. Лане нужно остановиться. И только Арант может ее остановить.

– Так вы зайдете?

– Конечно.

На этот раз она взяла его не под руку, а за руку: через двойной слой перчаток это было достаточно безопасно, но позволяло выразить поддержку, которую она не могла облечь в слова. Арант сжал ее ладонь в своей. Так они и дошли до его дома, держась за руки.

В холле их встретил слуга и, приняв верхнюю одежду, неожиданно сообщил Аранту, что в библиотеке его ждет девушка.

Брови Марты непроизвольно подскочили вверх, а внутри что-то неприятно кольнуло: что еще за девушка на ночь глядя? Но она тут же одернула себя, напоминая, что это ее не касается.

Арант же только нахмурился: похоже, визитов он не ожидал. Он уже повернулся к Марте, вероятно, чтобы извиниться и предложить ей подняться в комнату его

навсегда уснувшего сына самостоятельно, когда двери библиотеки распахнулись и означенная девушка сама появилась в холле, нервно цокая каблуками.

И Марта, и Арант облегченно выдохнули, когда увидели перед собой Лану, но тут же оба непроизвольно напряглись, разглядев ее сосредоточенное и решительное выражение лица. Старшей сестре она только кивнула, а вот у главы Ковена требовательно спросила:

– Арант, что вы утаили от меня о субреальности сна? Какие еще уровни там есть?

* * *

Вечер у Ланы предполагался скучным и тихим. Она собиралась поужинать в одиночестве, поскольку сестра ушла на свидание, лечь пораньше и как следует выспаться. На этой неделе она трижды погружалась на нижний уровень, пытаясь отыскать там сознание Рейна, и еще два раза бесцельно блуждала по верхнему уровню субреальности сна, в глубине души надеясь, что оно окажется где-то здесь. По словам Аранта такого быть не могло, но нижний уровень Лана уже исследовала вдоль и поперек, насмотрелась там всякого, а Рейна так и не нашла, из чего сделала вывод, что его там просто нет. А если его нет там и при этом он не приходит в себя, то вариант оставался только один: он на другом уровне. Которых всего два: верхний – уровень обычного сна и нижний – уровень теней умерших людей.

Она знала, что так часто выходить за пределы своего сна нельзя, но ничего не могла с собой поделать: чувствовала, что время на исходе. Видела это в потухшем взгляде Аранта: он тоже потерял веру и в любой момент мог решить прекратить поддерживать жизнь в теле Рейна.

К счастью, в последнее время Легион почти не обращался к ней за консультациями. На самом деле за те три с половиной месяца, что она числилась там гражданским консультантом, она успела поучаствовать не больше чем в пяти расследованиях. Причем первые два были официальной проверкой, то есть следователи справились бы и без нее, но господин Варт – ее наставник – решил дать Лане возможность попрактиковаться и проявить себя.

Очевидно, Легион не так уж сильно в ней нуждался, но она все равно была благодарна королю за то, что пристроил ее туда. Это давало право и возможность продолжать развивать запрещенный дар сноходца, а значит, и искать Рейна. Но иногда Лана испытывала странное разочарование: после всего, что случилось в ее жизни, ей нравилось чувствовать себя полезной, а отсутствие заданий лишало этой возможности.

Она как раз вытаскивала из духовки картофельную запеканку – единственное блюдо, которое научилась уверенно готовить, – когда в дверь позвонили. Лана не ждала гостей, а Марта еще не могла вернуться, поэтому звонок застал врасплох. Лана едва не выронила горячий лоток с запеканкой, заторопившись.

«Надо было нанять все-таки хотя бы одного помощника», – в который раз подумала она.

Когда король вернул Лане часть капиталов семьи, прислуга снова стала ей по карману, но не привыкшая к посторонним людям дома сестра была против. Лана не стала настаивать. И только в таких ситуациях жалела об этом.

На пороге ее дома неожиданно обнаружился Эрик Варт. На нем не было следовательской формы Легиона, что само по себе выглядело необычно: Лана редко видела его в гражданской одежде. Хотя не могла не признать, что она идет ему ничуть не меньше синей формы.

– Варт? – удивилась она вместо приветствия.

Наставник улыбнулся.

– Добрый вечер, Лана. Можно войти?

Она кивнула и торопливо посторонилась, пропуская его в холл. Варт вошел и, не скрывая любопытства, огляделся: столичный дом семьи Лерой заметно отличался от того, что обычно могли позволить себе легионеры.

– Извини, что врываюсь без приглашения. Надеюсь, я ничему не помешал?

– Нет, – Лана мотнула головой для убедительности, отчего собранные в хвост волосы смешно дернулись из стороны в сторону. – Я собиралась ужинать. Хотите присоединиться? В меню картофельная запеканка с мясом.

– Это совсем не обязательно…

– Я сама приготовила, – не удержалась от уточнения Лана.

Готовить она еще только училась, и каждый маленький успех воспринимала с детским восторгом.

В серых глазах Варта блеснули смешинки.

– Ну, если сама, то не могу упустить случая попробовать.

– Тогда проходите, – поманила она за собой в столовую.

Варт не заставил просить себя дважды, только оставил на вешалке теплую куртку.

Он был чуть старше Рейна Братта. Не такой красивый, но имелась у него какая-то притягательная мужественность, которая Лане нравилась. И не только ей. Однако симпатии самого Эрика Варта для окружающих оставались тайной: он был самым закрытым человеком из всех, кого Лана знала. Даже более закрытым, чем Марта. Поэтому было особенно странно видеть его вечером в обычной одежде и в своей столовой.

Впрочем, причина необычного визита раскрылась уже минут через десять, когда они уселись за стол и Варт попробовал и похвалил блюдо Ланы, чем вызвал у нее довольную улыбку.

– Должен признаться, я по делу, – серьезно заявил он, глядя на Лану через стол.

– О, ну слава древним богам, – усмехнулась Лана. – А то я уж решила, что это романтический визит.

Темные брови Варта удивленно взметнулись вверх, он потянулся к бокалу вина и невинно уточнил:

– Это было бы так ужасно?

– Это… сбивало бы с толку, – призналась Лана, продолжая улыбаться.

Варт хмыкнул и не стал развивать тему. Вместо этого посерьезнел и сообщил:

– У нас убийство, Лана, нужна твоя помощь.

Это стало неожиданностью. Для подобных сообщений ее должны вызывать в Легион. Разве что дело очень срочное…

– Что случилось? – поинтересовалась Лана, тоже напуская на себя серьезный вид.

– Погиб темный, что само по себе не редкость: он был членом Ковена, а значит, скорее всего, замешан в незаконные дела. Имела место магическая схватка: темный след боевых заклятий не успел развеяться.

– Так в чем дело? – удивилась Лана. – Просто отследите второго участника дуэли. Это стандартная процедура, ничего сложного. Зачем вам я?

Варт смотрел на нее не мигая, как будто боялся пропустить реакцию, когда заявил:

– Второго темного следа нет. Есть только след от заклятий жертвы. Убийца после себя ничего не оставил.

Лана нахмурилась.

– Разве так бывает? Ведь если второй сражался с помощью светлого потока, шансов победить у него не было…

Она осеклась под пронизывающим взглядом наставника.

– О…

Да, не только светлый поток не оставляет следов. Есть ведь еще и так называемый серый – поток энергии Хаоса. Формально им владеет только король, но сам Норд Сорроу уверен, что Хаос стремится к равновесию, а стало быть, рано или поздно снова наградит кого-то такой силой. И этот человек может стать угрозой для всех.

– Вот именно, – согласился Варт, как будто прочитал ее мысли. – Поэтому у нас нет времени на стандартные процедуры расследования. Тебе нужно погрузиться в сознание убитого и увидеть, кто это сделал. Чем быстрее мы найдем этого человека, тем меньше рисков.

Лана согласно кивнула и задала только один вопрос:

– Подушка есть?

Для проникновения в чужой сон – или в опустившееся на нижний уровень сознание погибшего человека – Лане требовалась «точка входа». Обычно она формировалась на том месте, где человек спал более или менее часто, но вполне хватало и подушки, на которой покоилась в такие моменты его голова.

Варт достал подушку через пространство – этому трюку Лана не была обучена, а потому он произвел на нее впечатление. Она сделала еще глоток вина, надеясь, что этого хватит для погружения в сон. Прибегать к снадобью, специально разработанному для нее Найтом Фарлагом, исключительным Мастером, не хотелось: оно усыпляло быстро, не мешало проснуться и в долгосрочной перспективе не вредило здоровью, но голова наутро после него бывала ватная.

Лана не стала приглашать Варта в свою спальню, это было неуместно, проводила его в малую гостиную, где имелась вполне удобная кушетка; Лана порой засыпала на ней днем, когда читала, если ночью из-за погружений спала мало.

Наставник пристроился на диване, стоявшем в центре комнаты, спиной к Лане и кушетке, на которой та устраивалась. Во время погружения сноходца часто поджидали опасности, особенно на нижнем уровне, поэтому лучше было не совершать его в одиночестве. Но мешать ей засыпать пристальным взглядом

Варт не стал, за что Лана мысленно поблагодарила его.

После вина уставший от недосыпа мозг отключился довольно быстро, сон распахнул свои объятия. Лана с трудом заставила себя выйти за пределы своего «двора»: собственного сна, где можно отдохнуть.

Тренировки последних месяцев сделали субреальность почти идеально послушной. Сны погибшего темного – то, что от них осталось, – раскрылись для нее так же легко, как собственный, но Лану они не интересовали. Требовалось спуститься ниже.

Субреальность подчинилась ее воле. Лана увидела темного. Она точно не знала, как он выглядит, но сомнений в том, что это именно тот человек, который ей нужен, не возникло. Он повернулся и пошел прочь, а Лана последовала за ним.

Друг за другом они нырнули в плотный туман. Стало холодно и немного жутко: сколько бы она ни погружалась на нижний уровень, а избавиться от этих ощущений во время перехода не могла.

Потом туман развеялся, и Лана очутилась в чьем-то доме. И нахмурилась.

Что-то было не так. Она достаточно хорошо знала ощущение нижнего уровня, а сейчас чувствовала другое.

Здесь было… мерзко. Как в самом страшном кошмаре, только во сто крат хуже. Обстановка казалась почти реальной, но стоило присмотреться, как становилась заметна черная гниль на мебели, ноздрей касался тошнотворный запах разложения, а в сознании с каждой секундой поднималось все самое злое и темное, что в Лане когда-либо было: обиды, ненависть, зависть, злость. Задавленные в обычной жизни другими эмоциями, сейчас они стряхивали с себя слои пыли забвения, набирали силу, въедались в мысли и отравляли их.

– Где я, демон меня побери? – пробормотала Лана дрогнувшим голосом.

Нестерпимо хотелось убежать, немедленно проснуться, вырваться отсюда.

Лана почувствовала движение сзади, но не смогла пошевелиться. Воздух вдруг стал таким плотным, что двигаться в нем оказалось тяжелее, чем в воде. И также трудно было вдохнуть.

– Если ты не знаешь, – коснулся ее уха горячий шепот, – то что здесь делаешь? Тебе здесь не место, сноходец. Проваливай!

Ее что-то толкнуло в спину. С такой силой, что Лана не устояла на ногах, повалилась вперед. Успела увидеть, как пол превратился в вязкое темное болото, готовое поглотить ее, затянуть в глубину, где она уж точно не сможет вдохнуть, но прежде, чем рухнуть в смрадное месиво, коснулась броши, приколотой к груди. Точка выхода, созданная для нее Рейном. Она никогда ее не подводила.

Лана дернулась и едва не свалилась с кушетки. Оказавшийся рядом Варт успел ее подхватить.

– Лана? Все в порядке? Ты так стонала, что я уже хотел тебя будить. Увидела что-нибудь?

Тяжело дыша, она покачала головой, но потом уточнила словами:

– Что-то пошло не так, Варт. Я была…

– Где?

– Не знаю… Но это был не нижний уровень. Там я уже освоилась, хоть и не могу им управлять. А тут… Не знаю, что это было.

Варт успокаивающе погладил ее по плечу и мягко произнес:

– Ничего страшного, попробуешь позже. Может быть, тебе нужно сначала отдохнуть. Ты выглядишь уставшей. Наверное, не стоило мне просить тебя сегодня.

Лана ничего не успела ответить. Варт вдруг встрепенулся, отстранился и полез в карман за небольшим зеркалом, которое, судя по всему, звало его. Он коснулся

пальцем поверхности и поприветствовал того, кто появился вместо отражения, дотянувшись до него сквозь зеркальный лабиринт.

– Индира? Что случилось?

Лана поморщилась. Индира Хитрик была напарницей Варта, но, в отличие от наставника, относилась к Лане не просто с холодком, а с неприкрытой ненавистью, причины которой были не до конца ясны.

– Эрик? Ты где?

Лана поймала взгляд Варта, страшно округлила глаза и выразительно замотала головой. Если он сейчас ляпнет, что у нее, Хитрик ее со свету сживет.

– Я уже не в Легионе, – уклончиво ответил Варт, заметив и правильно истолковав эту пантомиму. – А что случилось?

– Ты нам срочно нужен, – сообщила Индира. – Новое дело, Мор назначил на него тебя.

– Но у меня уже есть дело, – нахмурился Варт. – Я не могу вести оба.

– Про то забудь, с ним разберутся другие. Это важнее.

– Понял, – коротко и напряженно отозвался Варт. – Сейчас буду.

И он оборвал связь быстрее, чем Индира успела снова поинтересоваться его местоположением.

– Мне нужно идти, похоже, смерть темного я больше не расследую.

С этими словами он забрал с кушетки подушку и сквозь пространство вернул ее на место.

– Если Легион сочтет уместной твою помощь, к тебе обратится другой следователь.

Лана кивнула, даже не обидевшись на формулировку. Сейчас ей было не до Легиона с его расследованиями.

Ей срочно был нужен Арант.

Глава 2

Заседание Совета затянулось на несколько часов. Когда в одной комнате собирается десяток амбициозных мужчин, каждый из которых втайне уверен, что он умнее всех остальных, вместе взятых, быстро повестку дня не обсудить. Все жаждут высказаться и, по возможности, продавить свою точку зрения. И даже королевский авторитет не всегда останавливает тех, кто вошел в раж.

Последние полчаса Норд Сорроу устало молчал. Он сидел, подперев подбородок рукой, и переводил взгляд с МакКензи на Штерна и обратно, бесстрастно следя за их перепалкой. Советники были почти ровесниками, оба чуть старше самого Сорроу. Непримиримые соперники, они всегда занимали диаметрально противоположные позиции по всем вопросам и спорили до хрипоты. Даже за круглым совещательным столом садились строго друг напротив друга на одинаковом расстоянии от короля.

– Дело даже не в том, что любые послабления для темных – это непопулярная мера, – горячился рыжеволосый МакКензи, отчего его щеки становились такими же огненными, как и волосы. – Мы по-прежнему не знаем всех возможных последствий использования темной магии…

– Первым послаблениям темным уже десять лет, – хладнокровно возражал светловолосый и медлительный по натуре Штерн, слегка растягивая слова. – А небо до сих пор не рухнуло нам на головы…

– Это еще ничего не значит! Никто не знает, что происходит. Может быть, темная энергия копится, и где-то есть предел прочности…

– Во времена Великих Королей темные колдовали без ограничений на протяжении веков, но и тогда ничего не произошло…

Их перепалки всегда были утомительно долгими, и, наверное, для ускорения работы Совета и сокращения времени совещаний стоило убрать из состава одного из них, а лучше обоих, но Сорроу не спешил освобождать их от должностей. В своем вечном противостоянии они умудрялись каждый раз дойти до крайности и посмотреть на любую проблему с таких точек зрения, на какие никогда не выходили другие члены Королевского Совета. Довольно часто это оказывалось полезно.

Поэтому Сорроу терпеливо слушал, не перебивая, только позволяя тоске отразиться во взгляде. Переводя его с одного советника на другого, Сорроу вдруг зацепился за выражение лица Алека Прайма, сидевшего почти напротив него. Молодой политик и по совместительству сводный брат Тары Фарлаг, подруги королевы, недавно занявший место в Совете, не смотрел на коллег, а с улыбкой наблюдал за королем. Когда тот поймал его взгляд, Прайм не смутился, только улыбнулся шире, с пониманием и сочувствием. В его глазах читалось: «И так каждый раз? Тогда крайне сочувствую вашему величеству».

Сорроу демонстративно вздохнул, едва заметно улыбаясь Прайму в ответ. И все-таки выпрямился на своем стуле, что для внимательного наблюдателя всегда означало, что терпение короля лопнуло.

Ни МакКензи, ни Штерн наблюдательностью сегодня не отличались, поэтому их перепалку прервал советник Фаррел:

– Господа, – не столько громким, сколько сильным, хорошо поставленным голосом вклинился он, – я думаю, придется признать, что по этому вопросу Совет сегодня не может вынести решение, и отложить его до следующего заседания.

Оба спорщика тут же замолчали, метнув сначала раздраженные взгляды на Фаррела, а потом заметив наконец позу Сорроу. Это тут же охладило их пыл: оба предпочли не возвращаться к дискуссии.

– Спасибо, господин Фаррел, – подал голос король, сделав ударение на первом слове и выразительно посмотрев на советника, всегда сидевшего по правую руку от него. – Прошу секретаря пометить в протоколе, что этот вопрос остается нерешенным, и внести его в повестку следующего заседания. А на сегодня, насколько я понимаю, у нас все…

Он уже собирался встать, когда один из советников остановил его замечанием:

– Вообще-то, у нас есть еще один вопрос, который мы хотели с вами обсудить, ваше величество.

Сорроу вернулся на место, ища глазами того, кто это сказал. Подавший голос советник, как оказалось, прятался от его взгляда за Штерном. И только теперь наклонился вперед, чтобы его было лучше видно.

Касич. Самый критично настроенный член Совета, которого Сорроу в свое время был вынужден включить в его состав, чтобы договориться наконец с элитами, когда-то поддерживавшими последнего канцлера. По факту сейчас он возглавлял оппозицию.

– Что еще? – стараясь не выдавать моментально возникшего напряжения, уточнил король. – В повестке, насколько мне известно, больше ничего нет.

– Мы не стали включать это в официальную повестку, чтобы не произошло утечки, – пояснил Касич, обмениваясь взглядами с парочкой других советников.

Те со значением кивнули, явно зная, о чем пойдет речь.

Сорроу быстро обвел взглядом Совет: кроме этих троих, еще как минимум один советник в курсе, Фаррел и Прайм удивлены и сбиты с толку, остальные сидят с непроницаемыми лицами – не разберешь. Король остановил взгляд на Касиче, предлагая ему продолжить.

– Думаю, имеет смысл приостановить ведение протокола, – предложил тот.

Сорроу дал знак секретарю, сидевшему в уголке, веля деактивировать ведущий запись артефакт.

– Если вы хотели меня заинтриговать, господин Касич, то уже своего добились. Можем теперь перейти к сути? Мне ужасно хочется успеть поужинать с семьей.

– Понимаю, ваше величество, – без особого пиетета произнес Касич, – но вопрос важный. Преемственность власти.

Сидевшие с непроницаемыми лицами МакКензи и Штерн синхронно кивнули и, заметив это, одинаково недовольно скривились.

– Вы должны позаботиться о преемнике, – пояснил Касич в ответ на вопросительный взгляд Сорроу, – на случай своей… смерти.

Брови Сорроу сдвинулись к переносице, взгляд стал ледяным.

– Мне кажется, вы несколько торопитесь, господин Касич, похоронить меня. Вы, конечно, моложе лет на десять, но кто из нас на чьих похоронах простудится – вопрос спорный.

Уголок рта Касича дернулся, едва не искривив губы в ехидной усмешке.

– Я совсем не имел в виду ваш возраст, ваше величество. Но все мы помним недавние события. Они могут повториться.

Сорроу стиснул зубы, вынужденный признать правоту Касича. Да, не так давно, пытаясь закрыть прорыв Хаоса, он едва не распрощался с жизнью. Все сложилось удачно для него, но на несколько дней мир за Занавесью успел попрощаться со своим монархом. Его сыновья – десяти и тринадцати лет – были еще слишком малы, чтобы полноценно взойти на престол, а старший к тому же был приемным, что несколько запутывало престолонаследование. Сложившейся традиции мир за Занавесью, пять столетий проживший как единая республика, не имел.

– И тем не менее, я не вижу проблемы, – отрезал Сорроу. – В случае моей безвременной кончины править будет королева, пока не решит передать власть одному из наших сыновей. Или дочери.

– При всем моем уважении, – возразил Касич, – для остальных это не так очевидно. Тане будет трудно удержать власть, если вас вдруг не станет. Думаю, все присутствующие это прекрасно понимают.

И действительно, многие закивали, даже Штерн и МакКензи вновь согласились друг с другом, на этот раз даже не обратив на это внимания.

– Думаю, вы недооцениваете мою супругу. И Рону Риддик, ревоплощением которой она является.

Упоминание древней королевы, которую мир за Занавесью столетиями почитал как богиню, немного охладило пыл кивающих, но совсем не убедило Касича.

– Таня слишком далека от политики. Не мне вам объяснять, что желающих воспользоваться ситуацией и поставить ее способность править самостоятельно под вопрос будет немало. Как и желающих использовать ваших сыновей и их спорные права на престол для закрепления у власти.

– Да, полагаю, на одного такого человека я как раз сейчас смотрю, – хмыкнул король, выразительно глядя на Касича.

На этот раз тот позволил себе кривую ухмылку.

– Я всего лишь не хочу смуты. И считаю, что вам лучше самому оставить ясные публичные распоряжения на случай преждевременной кончины. Кто из сыновей будет наследником и кто из Совета станет опорой королевы на время его взросления.

– А это обязательно должен быть кто-то из Совета? – демонстративно удивился Сорроу. – Королева еще очень молода, в случае моей смерти она вполне может сама выбрать себе нового короля, который станет ее опорой.

– И в этом тоже таится определенная опасность, – заметил Касич невозмутимо. – Потому что ее может обольстить недостойный человек, который просто использует ситуацию. И ее саму.

– Очевидно, свои шансы вы оцениваете как невысокие, – не сдержался Прайм, недовольно глядя на Касича, – раз так переживаете об этом.

Касич метнул на него недовольный взгляд, но не успел ответить, поскольку снова вмешался Фаррел:

– Я думаю, это вопрос слишком сложный, чтобы решать его наскоком. Уверен, король вас услышал. Дадим ему время обдумать необходимость такого решения.

– Несомненно, – согласился Штерн.

И МакКензи снова не стал возражать.

* * *

Ноги уже несли его в ту часть резиденции, где обитала семья, а мыслями Норд Сорроу был еще на заседании Совета, поэтому не сразу правильно интерпретировал картину, открывшуюся перед ним во внутреннем дворе. Здесь, заняв пятачок свободного пространства между клумбами и небольшим фонтаном, фехтовали на игрушечных мечах его сыновья.

Сначала происходящее показалось Сорроу обычной игрой, и он притормозил, с улыбкой наблюдая за детьми, но постепенно улыбка эта стала таять. Тим – старший, приемный сын, уже вошедший в подростковый возраст, – наносил удары слишком сильно. Правильнее сказать – изо всех сил. Невысокий, худенький Дарен с трудом держал удар и уже испуганно куксился, но все еще не сдавался. Через пару секунд Сорроу понял: он просто боится, что даже если опустит меч, брат все равно нанесет удар.

– Тим, стой! – пискнул Дарен, пятясь назад.

Но Тим не остановился. Он продолжал наносить удары, лицо его искривила злость. Очередным выпадом он выбил игрушечный меч из рук младшего брата, но даже это его не остановило, он снова занес руку для удара.

– Хватит! – не выдержал Сорроу, резко дернув меч из ладони сына магией.

Немного не рассчитал силы от нахлынувших эмоций – меч улетел куда-то в противоположный конец внутреннего двора.

Злость моментально схлынула с лица Тима, уступив место испугу. Но он тут же постарался его спрятать.

– В чем дело, пап? Мы просто играем…

– Это не просто игра, – возразил Сорроу, сверля Тима строгим взглядом и подходя ближе. – Он просил тебя остановиться, потому что ты давил слишком сильно.

– Это ведь поединок… – попытался оправдаться Тим, но Сорроу остановил его взглядом.

– Он еще маленький. И слабее тебя. Если играешь с ним, будь добр это учитывать. Если не можешь сдерживаться, пойди поиграй с кем-то, кто больше и сильнее.

Тим раздраженно поджал губы, бросил взгляд на Дарена. Тот стоял, прижав к груди правую руку и поглаживая ее левой: видимо, последний удар все же причинил ему боль, возможно, пришелся по кисти. Губы Дарена дрожали, темные глаза – копия отцовских – слегка поблескивали от собирающихся в них слез.

– Папенькин сынок, – проворчал Тим, резко разворачиваясь и размашисто уходя прочь.

Сорроу окликнул его, но тот не обернулся и не замедлил шаг. Это огорчало, но Сорроу решил, что разберется с Тимом позже: сейчас Дарен нуждался в нем больше.

– Ну как ты? Больно? – спросил Сорроу мягко, опускаясь перед сыном на одно колено и протягивая к нему руку.

Дарен, храбрясь, покачал головой, но одновременно с этим шмыгнул носом и потому все-таки признался тихо:

– Немножко.

– Давай сюда руку, полечу.

Дарен протянул ему ушибленную кисть – действительно, последний удар Тим нанес по пальцам – и снова шмыгнул носом, но все равно старался не плакать.

Сорроу провел рукой над ушибом, мгновенно обезболивая и залечивая его магией, и потом погладил сына по голове.

– Знаешь, нет ничего страшного в том, чтобы заплакать, если тебе больно, – заметил он с улыбкой.

– Короли не плачут, – возразил Дарен, упрямо мотнув головой.

Сорроу вздохнул, готовый вырвать себе язык. Когда-то он так сказал, пытаясь утешить ревущего ребенка. Слова вырвались сами собой, явившись из далекого воспоминания: ночью накануне похорон родителей и брата он рыдал над гробом матери, а заставший его за этим делом советник только погладил по голове и печально вздохнул.

– Плачьте, ваше высочество, – тихо обронил он, – плачьте, пока есть такая возможность. Завтра вы станете королем, а короли не плачут.

Ему тогда было столько же, сколько сейчас Тиму, и он воспринял слова советника серьезно: после коронации не позволял себе слез в течение долгих лет. Но ему совершенно не хотелось, чтобы его собственные дети росли с такой же установкой, а вот поди ж ты, сам умудрился навязать им эту концепцию.

– Ты ведь пока не король, сынок, – мягко заметил он, глядя на Дарена с сочувствующей улыбкой. – Тебе пока можно.

Мальчик обвил тонкими руками его шею и уткнулся лицом в ее изгиб, судорожно вздохнув, но так и не заплакал: боль и страх уже ушли, а вместе с ними и причины для слез. Но Сорроу все равно погладил его по голове, а потом предложил:

– Пойдем поищем маму?

Дарен энергично закивал и побежал вперед, кажется, зная, где ее искать.

Таня обнаружилась в зимнем саду. С его личным секретарем, который развлекал ее какими-то забавными историями: королева заливисто хохотала.

Норд Сорроу никогда не был особенно ревнив, жена просто не давала ему поводов. В ее взгляде всегда читалось обожание, а на других мужчин она даже не смотрела. Пожалуй, до тех пор, пока у короля не появился этот секретарь – ее ровесник, легкий в общении и весьма привлекательный для женщин, насколько Сорроу мог судить.

Он бы, наверное, малодушно понаблюдал за мило общающейся парочкой, если бы с ним не было Дарена. Но тот побежал вперед, зовя маму и раскрывая ей свои объятия. Сорроу не оставалось ничего другого, как пойти следом.

Глава 3

– Арант, что вы утаили от меня о субреальности сна? Какие еще уровни там есть?

Глава Темного Ковена вопросительно уставился на нее, едва заметно хмурясь. Его взгляд красноречиво требовал: «Потрудись объяснить свой вопрос», но Лана считала, что тот и так прозвучал достаточно конкретно.

– Я ничего от тебя не скрывал, рассказал все, что знаю, – сдался Арант после нескольких секунд молчания. – В субреальности два уровня: сны живых и вечный сон того, кто больше не проснется. Ничего другого там нет.

Он явно говорил правду, точнее, верил в то, что говорит, поэтому Лана переменила позу, сбрасывая с себя возбужденное напряжение, и вздохнула.

– Значит, вы просто ошибаетесь. Там есть что-то еще, – возразила она уже более спокойным тоном. А потом перевела взгляд на Марту и удивленно заметила: – Эй, а ты же не с ним ушла на свидание?

– Нет, мы встретились случайно… – быстро попыталась объяснить Марта, неожиданно занервничав.

– Насколько можно считать случайностью встречу в клубе с его владельцем, – хмыкнул Арант, изображая подобие улыбки.

Марта неловко покосилась на него и замолчала, посчитав за благо не развивать тему. Вместо этого она вернула Лану к той, с которой та пришла:

– С чего ты взяла, что в субреальности есть что-то еще?

Лана переключилась моментально: недавнее открытие интересовало ее гораздо больше любовных похождений сестры.

– Ко мне сегодня заходил Варт, хотел, чтобы я погрузилась в сон одного недавно погибшего парня. Кстати, из ваших, из Ковена.

Арант нахмурился сильнее, из чего можно было сделать вывод, что он пока не в курсе недавней потери в своих рядах.

– Он погиб при странных обстоятельствах, и Варт хотел, чтобы я посмотрела, как это произошло. Я погрузилась в сон, нашла там того парня, последовала за ним на нижний уровень, только вот пришла куда-то не туда.

– В каком смысле? – не понял Арант. – Куда не туда и как ты это поняла?

– Послушайте, я уже с полгода регулярно погружаюсь на нижний уровень и ищу там Рейна, – немного раздраженно пояснила Лана, пряча за этой эмоцией ярко вспыхнувшую надежду, демонстрировать которую боялась. – Я знаю, как ощущается нижний уровень, знаю, как там все выглядит. И пусть я не могу управлять им так, как снами, чувствую я себя там теперь вполне уверенно. А тут… Я не могла пошевелиться, не могла даже вздохнуть. Как в воду нырнула. Там все было… другим. Таким… гадким. – Лана скривилась, когда воспоминания о погружении нахлынули на нее. Подобрать слова, чтобы описать его, оказалось нелегко. – И я сама там была гадкой. Даже хуже, чем год назад, когда отец еще был канцлером, а я творила все, что хотела, зная, что мне ничего за это не будет. Как будто что-то будило и вытаскивало из меня все самое темное, что во мне есть: ненависть, зависть, злость… Я пробыла там секунд пять, но меня чуть не раздавило всем этим. И темный тот… Он сказал: «Тебе здесь не место, сноходец». Где мне не место?

Продолжая хмуриться, Арант задумчиво прошелся по холлу, скрестив руки на груди, и наконец снова повернулся к Лане, чтобы озвучить свой вывод:

– То, что ты описываешь, похоже на темный поток. Примерно то же самое чувствуешь, когда он проходит по телу. Демоническая сила подпитывается злом, которое есть в каждом из нас. Может быть, тебя накрыло остатком темной энергии того мага?

– Почему я никогда не чувствовала этого раньше? – возразила Лана. – Я погружалась в ваши сны, но ничего подобного там не было. А уж вы, Арант, темнее некуда. Без обид!

– Да какие уж тут обиды? – он усмехнулся. – Возможно, дело в том, что я жив.

Лана задумалась и заметила вслух:

– А тот темный погиб, сражаясь. Думаете, демоническая энергия наполняет его посмертие, потому что он ушел из жизни, призывая ее?

Арант пожал плечами.

– Никогда не слышал про такое, – признал он. – Но не исключено, ведь мы по-прежнему так мало знаем о субреальности и о том, куда могут проникать стихийные сноходцы: за всю историю вас было слишком мало. Я даже не исключаю, что таким образом формируется отдельное пространство в области нижнего уровня, изолированное темным потоком. Эдакий… особый уровень для темных.

Они смотрели друг другу в глаза через все внушительное пространство холла, и от этих напряженных взглядов оно словно электризовалось. Оба понимали, что это может значить, но пока ни один не торопился озвучить.

– Что, если Рейн, отправив меня наверх с королем, все-таки попытался выбраться сам? – наконец решилась Лана. Голос ее прозвучал едва слышно. – Что, если он попытался призвать темный поток, надеясь, что тот даст ему достаточно сил?

– Тогда ты не можешь найти его, потому что не там ищешь, – кивнул Арант.

И в его глазах вновь загорелся огонек надежды, который заставил Лану улыбнуться.

– Ты не там ищешь, потому что светлая и не можешь сама попасть в эту… область, – добавил Арант.

– Даже попав туда, я была бесполезна, – призналась Лана. – Я там как муха, увязшая в янтаре.

– А мне самому не опуститься на нижний уровень и не подняться с него.

– Мы должны пойти вместе.

Арант задумчиво кивнул, продолжая смотреть на нее и явно прикидывая в уме, как именно следует предпринять такую попытку. Наконец он изрек:

– Мне придется применить темный поток в ментальном усилии, а это, как известно, запрещено законом. Легион моментально отследит нарушение. Это попахивает арестом, судом и сроком.

– Я уверена, король не даст вас в обиду, – возразила Лана. – Особенно если нам все-таки удастся разбудить Рейна. Он перед ним в долгу.

– Возможно, но если Легион ворвется сюда в процессе, они могут как минимум помешать.

– Тогда я сейчас постараюсь нас прикрыть.

Лана достала зеркало и провела по его поверхности указательным пальцем, направляя магический поток в зеркальный лабиринт и пытаясь сквозь него дотянуться до Варта. Она не сомневалась, что наставник согласится побыть их щитом от преждевременного вмешательства Легиона, но ее расчет не сработал: зеркало Варта оказалось заблокировано.

– Проклятье, – процедила Лана. – Видимо, что-то серьезное у них там случилось, раз он недоступен.

– Ладно, – улыбнулся Арант. – Тогда нас прикрою я. По-своему.

* * *

С тех пор, как темным дали послабления и для использования их силы не требовалось заранее получать разрешение, дежурства в отделе мониторинга злоупотребления темной магией стали более напряженными. Чем строже запрет и страшнее наказание, тем меньше желающих нарушать. А стоит чуть отпустить поводок, как люди начинают ходить по лезвию ножа, то и дело оступаясь.

Обычно речь шла о мелких нарушениях: небольшом превышении уровня или месячного лимита, что каралось преимущественно штрафом или временным ограничением, но в этот раз вышло иначе.

Следящий артефакт полыхнул даже не красным, а темно-бордовым, почти похожим на черный с едва заметным красным отсветом. Дежурный, как раз решивший перекусить, пользуясь временным затишьем, едва не поперхнулся куском бутерброда. Быстро пропихнув толком не прожеванный кусок большим глотком чая, он провел рукой над артефактом, чертя пальцами в воздухе особый знак и создавая полупрозрачную модель Аларии, точнее, конкретного района. Бордовым подсвечивался особняк в черте города, в престижном районе.

– Дом Марка Аранта? – удивился кто-то над ухом.

– Проклятый Ковен, все никак не успокоятся, – проворчал пожилой страж, из тех, что начали службу в Легионе еще тогда, когда темная магия находилась под тотальным запретом, а Темный Ковен считался преступным сообществом. – Все им мало!

– Туда надо боевиков брать, стражам они не дадутся, – сказал кто-то еще.

– Судя по всплеску, это единичное применение, – возразил дежурный, чей артефакт сработал. – И дело даже не в превышении уровня, применена ментальная магия.

– Все равно нужно позвать дежурный отряд, – поддакнул пожилой страж. – К темным без боевиков соваться нельзя.

– Надо уведомить Мора, – предложил еще кто-то. – Арант – птица высокого полета, накоротке с королем. Тронем его сами, потом можем иметь бледный вид.

– Мора сейчас нет, только заместитель.

– Тогда его.

Сказано – сделано. Забыв про бутерброд, дежурный страж отправился к заместителю старшего легионера столицы – Клинту Трауту.

Траут внимательно выслушал его доклад, с трудом скрывая нахлынувшее возбуждение. Арант оступился, да еще так серьезно. Если арестовать его сейчас и поднять шумиху в прессе, по репутации Сорроу, дающего послабления темным, будет нанесен заметный удар, а там и новый пакет послаблений придется отложить. И он, Траут, наверняка получит от покровителя бонус за это.

– Вызывайте боевой отряд, – велел Траут, едва не потирая руки. – А лучше сразу два. Это все-таки Ковен.

Не прошло и пяти минут, как два дежурных отряда боевиков появились практически у самых дверей особняка Аранта. Траут прошел через ручной портал последним, когда ситуация наверняка была взята под контроль.

Впрочем, брать под контроль оказалось нечего: дом стоял почти темным, световые шары освещали лишь крыльцо и несколько внутренних помещений. Никакого оцепления из темных магов, никаких стычек, никакого движения. Только сонная вечерняя тишина.

На стук в дверь ответил молодой слуга. На его лице отразилось замешательство, когда он увидел количество незваных гостей в синей форме Легиона, но он без вопросов посторонился, пропуская их в огромный затемненный холл.

Навстречу из дверей гостиной вышла рыжеволосая женщина лет тридцати: красивая, но нездорово бледная. Траут смерил ее оценивающим взглядом и решил, что она ничего из себя не представляет. С политической точки зрения.

– Добрый вечер, господа, – поздоровалась женщина чуть дрогнувшим голосом. – Чем могу вам помочь?

«Ведет себя словно хозяйка дома, – мысленно отметил Траут. – Должно быть, любовница Аранта».

– Вы можете, во-первых, назвать себя, а во-вторых, сказать нам, где хозяин. Мы получили сигнал о неправомерном использовании темного потока здесь. Если в доме есть другие темные маги, мы также хотели бы увидеть их, чтобы проверить, к кому приведет след.

– Меня зовут Марта Бренон, – сообщила женщина, тревожно оглядываясь на широкую лестницу, ведущую на второй этаж. – И господин Арант действительно использует сейчас темный поток, но тут какая-то ошибка. Его применение санкционировано.

– У нас нет об этом никакой информации, – хмыкнул Траут, оценив ее попытку. – Кем оно санкционировано?

– Его величеством Нордом Сорроу, – без паузы и запинки ответила Бренон.

Траут переменился в лице и непроизвольно сглотнул. Упоминание имени короля стало для него неожиданностью. Если это блеф, то очень смелый.

– Если вы лжете, то это само по себе преступление, – заметил он, сверля Бренон взглядом. – Легиону ничего неизвестно о такой санкции.

– Я не знаю, почему так произошло, – развела руками та. – Возможно, вам стоит уточнить в королевской канцелярии?

Траут хищно улыбнулся.

– А может быть, вы просто тянете время? Если у вас нет при себе какой-либо бумаги, подтверждающей санкцию короля, мы вынуждены прервать, что бы там господин Арант ни делал, и произвести арест. У вас есть что-то похожее? Хотя бы письмо с королевской печатью?

Бренон тяжело сглотнула, быстро посмотрела сначала на часы, потом оглянулась на приоткрытую дверь гостиной, из которой появилась, и уже не так уверенно пробормотала:

– Я… не знаю… я поищу?

«Ничего у нее нет», – понял Траут и, улыбнувшись шире, покачал головой.

– Не думаю, что стоит. Нет у вас никакого подтверждения, вы просто зачем-то тянете время…

– Письма у нее действительно нет, – перебил его мужчина, внезапно появившийся на пороге гостиной, – но, надеюсь, вас устроит мое устное подтверждение, господин Траут.

Десяток боевиков за его спиной очень синхронно и очень удивленно втянули воздух, узнав в приближающемся мужчине монарха.

Тот едва заметно улыбался и выглядел более чем доброжелательно, но у Траута все равно мороз пробежал по коже, как будто он опасался, что Сорроу по глазам прочитает, ради чего он здесь.

– Ваше величество? – зачем-то уточнил он, потупив взгляд. – Да, конечно, просто… Мы ничего не знали.

– Я приношу свои извинения Легиону за ложную тревогу, – улыбнулся король. – Все произошло немного спонтанно, я отправил сообщение Мору с просьбой выписать соответствующее разрешение…

– Его нет на месте, – признал Траут. – Сегодня я за него.

– О, вот поэтому и случилась накладка, – Сорроу развел руками. – Но полагаю, теперь инцидент исчерпан?

Траут заверил его, что это, несомненно, так.

* * *

Марта молча наблюдала за тем, как одиннадцать растерянных легионеров покидают дом Аранта, и, только когда за последним закрылась дверь, позволила себе шумно выдохнуть и повернуться к Сорроу.

– Спасибо, ваше величество! Вы очень вовремя пришли.

– Хорошо, что мне успели доставить послание Аранта, – заметил тот. – Я открыл портал в ту же секунду, как дочитал его. Но вообще-то он мог бы не рисковать, а сначала все же связаться со мной и получить официальное разрешение. Я бы сразу распорядился, и Легион вас не тревожил бы.

– Надеюсь, вы простите нам этот сумбур. Лана и Марк… Они слишком давно пытаются вытащить Рейна. Когда появилась эта возможность… тяжело было медлить.

– Я понимаю, – кивнул король, пытливо посмотрев на лестницу, ведущую на второй этаж. – Надеюсь, все будет не зря и у них получится. Я ведь действительно должен этому парню.

– Поскольку меня назначили временной хозяйкой дома, могу я что-нибудь предложить вашему величеству? – слегка волнуясь, поинтересовалась Марта, точно не зная, как себя вести с ним.

– Да нет, я предпочту вернуться к жене и детям. Но пусть Арант отправит мне сообщение и расскажет о результате их попытки. Независимо от исхода. И да… – он лукаво улыбнулся. – Этому дому очень пошла бы такая хозяйка, как вы, Марта.

Она почувствовала, как теплеют щеки, и понадеялась, что не слишком заметно покраснела.

Сорроу вернулся в королевскую резиденцию, а Марта осталась ждать в гостиной, то и дело поглядывая на часы. Ей, не спрашивая, подали чай с крошечными канапе, но она лишь сделала несколько глотков горячей жидкости, на еду от волнения даже смотреть не могла.

Арант вошел в гостиную добрых полтора часа спустя. Слегка помятый после лежания в постели прямо в одежде и заметно обессиленный – погружение на нижний уровень и вторжение в неизведанную область дались ему нелегко – но счастливый. Это Марта поняла сразу, едва заглянула ему в глаза.

Получилось! Они это сделали… После стольких месяцев Рейн вернулся.

Арант ничего не сказал, да этого и не требовалось. Он только сделал шаг ей навстречу. Остальное расстояние Марта преодолела сама, порывисто обнимая его вопреки всем своим внутренним установкам.

Он прижал ее к себе, зарываясь пальцами в копну рыжих волос, утыкаясь носом в ее висок, вдыхая едва ощутимый запах духов… И по-прежнему не произнося ни слова, чтобы не спугнуть.

А этажом выше едва очнувшийся Рейн Братт выполнял обещание, данное Лане много месяцев назад.

«Как только проснемся, первым делом поцелую тебя, обещаю…»

Глава 4

Вот уже почти неделю Лана отчаянно боялась засыпать. Каждый раз, когда ее голова касалась подушки, она тревожилась, что утром проснется и окажется, что спасение Братта, его пробуждение ей только приснились. Это будет не в первый раз: все эти месяцы она регулярно видела во сне то как забирает его из субреальности вместе с королем, то как находит его там позже. Каждое такое пробуждение и осознание горькой истины немножко убивали ее, заставляя слезы наворачиваться на глаза.

Но время шло, день сменял день, а все оставалось по-прежнему. И теперь каждое утро на ее губах расцветала улыбка.

Братт пока оставался в доме Аранта. Потребовалось три дня и много восстанавливающих снадобий, чтобы поставить его на ноги. За время своего

долгого сна он заметно потерял в весе, и теперь большая часть одежды была ему свободна. Но это поправимо: много хорошей еды и физической активности – и он восстановится полностью.

Лану смущало другое: Братт по-прежнему оставался очень далеким. Когда очнулся, совершенно дезориентированный, он спросил, как долго спал. Она не стала ему врать, в этом не было смысла, все равно он быстро узнает, что из его жизни выпало несколько месяцев. Но Братт, услышав дату, облегченно выдохнул и признался:

– Мне казалось, что прошло гораздо больше времени… Целая вечность.

И Лана его понимала: на уровне темных она пробыла совсем недолго, но даже это короткое время показалось ей бесконечно долгим.

Арант сказал, что Братт со временем отойдет. Ощущение реальности вернется к нему, а все, что произошло на нижнем уровне, забудется как страшный сон, и Лане очень хотелось в это верить. Умом она понимала, что слишком торопится: недели недостаточно, чтобы подобное забылось, но сердце ее было не на месте. Оно было не на месте каждый раз, когда Лане удавалось подсмотреть за Браттом, когда тот считал, что его никто не видит.

Она наблюдала, как он застывает перед зеркалом, глядя на свое отражение, всматривается в заострившиеся черты лица, как будто не узнает их. Видела, как стекленеет его взгляд каждый раз, когда Братт остается наедине с собой, как будто мысленно он снова проваливается туда, откуда с таким трудом выбрался. И каждый раз, когда она становилась свидетельницей таких моментов, сердце ее болезненно ныло в дурном предчувствии.

Спрашивать его, как он и что с ним происходит, не имело смысла. Братт только улыбался и беспечно отмахивался, мол, все в порядке. Лана подозревала, что в субреальности сна он будет более откровенен, но не торопилась прибегать к этому способу, даже старалась не провалиться в его сон случайно, как уже бывало. То ли боялась услышать правду, то ли просто не хотела принуждать, ждала, когда он сам созреет для откровенного разговора.

А пока просто навещала его каждый день, нарочито бодро рассказывая все подряд новости, выводила на прогулки по улицам Аларии и в пустынные парки:

конец затянувшейся зимы мало кого вдохновлял на бесцельное топтание узких дорожек. Братт никогда не отказывался от ее компании, всегда внимательно слушал и даже задавал вопросы об общих знакомых, но постоянно держал дистанцию. Даже предлагая ей локоть во время прогулки, оставался болезненно далеко. Не считая поцелуя в вечер пробуждения, он ни разу не прикоснулся к ней как мужчина, а не просто знакомый.

Лана, чувствуя вину за то, что оставила его в субреальности, не давила и ничего не требовала.

Неделю спустя в дом Аранта пришло приглашение из королевской резиденции. Его и хотелось бы назвать неожиданным, но все так или иначе понимали, что этот день настанет: оставались формальные вопросы, которые требовали решения, ведь Братт находился в мире магов незаконно и под чужим именем. Лана полагала, что король просто даст Легиону распоряжения на этот счет: помилует когда-то напортачившего Марека Кролла и разрешит ему остаться. Но Сорроу, дав Братту время прийти в себя, пригласил на личную встречу.

Лана предложила сопровождать его, и он не стал отказываться.

В означенный день и час в дом Аранта явились легионеры в особой форме – личная охрана его величества. Возражать против присутствия Ланы никто не стал. Они открыли ручной портал, который привел небольшую группу все к той же неприметной калитке в заборе, через которую Лану в свое время вели на «королевский суд». Видимо, это была стандартная практика для полуофициальных визитов.

Как и в прошлый раз, по коридорам дворца их провожали четверо. Братт, оказавшись здесь, заметно занервничал, и Лана ободряюще сжала его ладонь, не совсем понимая причин волнения. Король умел быть благодарным, это она уже усвоила. А Братту он теперь был обязан жизнью, что наверняка стирало все его прежние проступки.

Ей просто не пришло в голову, что Братт может нервничать, потому что когда-то и сам жил в этой резиденции с родителями. Когда его отец был канцлером. Когда канцлером был ее отец, они жили в другом месте.

– Лана?

Оклик заставил ее притормозить и оглянуться. Братт, руку которого она рассеянно выпустила, тоже остановился, и их сопровождающие были вынуждены сделать то же самое.

– Варт? – Лана удивленно улыбнулась приближающемуся к ней наставнику. – Какими судьбами?

Он дернул плечом и пробормотал что-то о государственной необходимости, но она ничего не поняла: не знала, что следователей могут вызывать во дворец. Варт с интересом посмотрел на Братта, а потом перевел вопросительный взгляд на Лану, и та спохватилась:

– Варт, это Рейн Братт, мой… ну, теперь уже друг, а раньше был моим куратором и преподавателем в СКА. Рейн, это Эрик Варт, следователь Легиона и мой наставник.

– Рейн Братт? – хмыкнул Варт, вежливо протягивая руку. – Полагаю, ваше настоящее имя – Марек Кролл. Наслышан о вас.

– Правда? – холодно отозвался Рейн, сжимая протянутую ладонь нарочито сильно, насколько сейчас мог. – А я о вас совсем ничего не знаю.

– Я рассказывала тебе, – заметила Лана нервно.

Она действительно в разговорах с Браттом никак не акцентировала внимание на наставнике, лишь раз упомянула, что он у нее есть. И теперь Лана сама не понимала, почему так.

– Полагаю, на вас сейчас свалилось много новой информации, – вежливо улыбнулся Варт. – Трудно сразу все охватить.

– Да, пожалуй, – согласился Братт, едва заметно хмурясь.

– Нас… То есть Рейна ждет король, – поторопилась вклиниться Лана, чтобы поскорее закончить эту неловкую сцену.

– Не будем заставлять его величество ждать долго, – кивнул Варт, уловив намек. – Увидимся на работе, Лана.

Он махнул ей рукой, еще раз кивнул Братту и, стремительно развернувшись, удалился по коридору, по которому они только что пришли.

– Идем, – позвала Лана и потянула Братта в противоположную сторону. – А то опоздаем.

Однако тот еще пару секунд смотрел вслед удаляющемуся легионеру и только потом позволил повести себя дальше.

* * *

Его величество Норд Сорроу ждал Рейна Братта, которого в свое время знал под именем Марека Кролла, в рабочем кабинете. Лану внутрь не пустили, поэтому Братт вошел к нему один.

Сорроу встретил его, сидя за рабочим столом, перед которым стояло кресло для посетителя. В прежние времена на аудиенциях у короля садиться было не принято, но теперь монарх придерживался более демократичных взглядов.

Однако Братт остановился в двух шагах от приготовленного кресла и остался стоять даже тогда, когда Сорроу предложил ему сесть. Король только удивленно вскинул бровь.

– Столько лет прошло, а ты все еще предпочитаешь играть по своим правилам? – улыбнулся он.

Братт равнодушно пожал плечами и промолчал, но Сорроу и так все понял.

– Злишься на меня за казнь твоего отца, я полагаю. Понимаю. И тоже до сих пор злюсь на некоторые твои поступки. Чтобы между нами не оставалось недомолвок: переступи ты тогда с Таней черту, никогда не получил бы моего прощения, даже если бы спас мне жизнь несколько раз.

Получив напоминание о нападении на Таню во время их совместной учебы в Орте, Братт не выдержал взгляда короля и опустил глаза.

Сорроу вздохнул и неожиданно поднялся с места сам, все-таки оказавшись с Браттом на равных.

– Но ты не переступил, – добавил он уже более мягким тоном. – А потому я считаю себя в долгу перед тобой. И перед Ланой. Но с ней я уже рассчитался как мог. А ты… Я не могу вернуть тебе отца. И не мог тогда оставить его в живых. Моя семья всегда была бы под угрозой. Древние боги свидетели, не хотел я доводить до такого, но он не оставил мне выбора. Все, что я могу предложить тебе, – это официальное помилование и разрешение остаться с нашей стороны Занавеси. Ты также волен выбрать то имя и то лицо, которые тебе больше нравятся.

– Я хотел бы остаться Рейном Браттом, но вернуть свою внешность. Постоянно поддерживать иллюзию весьма утомительно.

– Ты мне-то не рассказывай, – хмыкнул Сорроу, который провел под куда более серьезной иллюзией тринадцать лет. – Я прекрасно понимаю твой выбор. Если есть что-то еще, что я могу для тебя сделать, говори.

Братт задумался ненадолго и качнул головой.

– Мне ничего от вас не нужно. Я просто хочу вернуть свою жизнь… Ту, что у меня была до всей этой истории.

Сорроу снова понимающе кивнул и заверил:

– Этому я точно не собираюсь препятствовать. Если это все…

– Вообще-то есть кое-что еще, – признался Братт, сверля короля тем стекленеющим взглядом, который так пугал Лану. – Я кое-кого встретил там… на уровне темных, как это назвали Лана и Арант. И этот человек просил передать вам кое-что. Позволите процитировать дословно?

– Очень меня обяжешь, если скажешь без купюр, – кивнул Сорроу, настороженно хмурясь. Признание Братта явно застало его врасплох.

– Ты будешь низвергнут и сгоришь в проклятом пламени, а вместе с тобой вся твоя семья, когда наследник Гордона Геллерта все же взойдет на престол, – без запинки выпалил Братт.

В кабинете повисла колючая тишина. Король молчал, глядя на гостя непроницаемым взглядом. Слова то ли напугали его, то ли разозлили: понять было невозможно. Братт смотрел на него также спокойно, как будто совсем не боялся возможных последствий.

– Гордон Геллерт был светлым, а значит, не может находиться на уровне темных, – наконец произнес Сорроу. – Кто просил это передать?

– Геллерт Ротт. Настоящий отец вашего старшего сына, которого вы убили, как и моего.

* * *

Норд Сорроу никогда не хотел править страной. Он не хотел этого пять столетий назад, когда был принцем, вторым в очереди на престол. Он не хотел этого тогда, когда создал Первую Республику с выборной властью. Не хотел, когда судьба забросила его в будущее, где он долгое время жил под чужим именем и прятал истинное лицо под иллюзией. И даже десять лет назад, когда под влиянием момента, удрученный политической ситуацией в мире за Занавесью, объявил о возрождении монархии, он тоже не хотел править.

Не хотел, но стал. То, за что другие дрались до крови, за чем шли по головам и трупам, выгрызали зубами, он воспринимал как бремя. Утомительное и калечащее.

Пять столетий назад он был вынужден взойти на престол еще мальчишкой, свергнуть регента и править самостоятельно. Это был вопрос торжества справедливости и его собственного выживания. Взрослеть пришлось стремительно, но еще долгие годы он оставался испуганным мальчишкой, в одно мгновение потерявшим всю семью. Страх стал причиной довольно жесткого,

порой до откровенной жестокости, поведения, которого, по-настоящему повзрослев, Сорроу втайне стыдился. Снова став королем, он твердил себе, что больше не позволит страху управлять собой.

Он казнил последнего канцлера не из страха. Этого просто требовала ситуация, требовала справедливость. По крайней мере так Сорроу считал. Ему было свойственно сомневаться и копаться в себе, но в некоторых поступках он оставался уверен даже годы спустя. Он не жалел о том, что убил на честной дуэли Геллерта Ротта. Не жалел, что казнил Дангеста Кролла. Но Сорроу всегда знал, что однажды эти решения могут ему аукнуться.

И вот время пришло.

После весьма тревожного разговора с Браттом Сорроу долго не находил себе места, не мог сосредоточиться на документах и разговорах, поэтому в конце концов отменил все другие встречи и велел секретарю перекроить его расписание с учетом того, что сегодня он больше не намерен заниматься делами. Секретарь вздохнул, но, конечно, ни задавать вопросов, ни спорить не стал.

Отложив все дела, Сорроу отправился разыскивать Тима. У него было стойкое ощущение, что недавняя агрессия приемного сына в адрес родного как-то связана с мрачным предсказанием, которое передал ему Братт.

Тим нашелся в классной комнате, где с ним занимались наставники: оба принца были на индивидуальном обучении.

Наставник к прерванному занятию отнесся спокойно. Кажется, был даже рад сделать паузу и позволить королю поговорить с сыном. А вот Тим восторга не выказал. Когда Сорроу сел напротив него, занимая место оставившего их наедине наставника, он старательно смотрел в раскрытую тетрадь, избегая отцовского взгляда.

После странной «игры», свидетелем которой Сорроу стал, он так и не нашел времени поговорить с Тимом. Не нашел или не захотел найти – наверное, последнее было более справедливо. Тим не жаждал разговоров по душам и избегал оставаться с отцом наедине, а сам Сорроу делал вид, что слишком занят, потому что не знал, как правильно начать этот разговор.

Но теперь откладывать было уже некуда, и он не стал ходить вокруг да около.

– Я хотел поговорить с тобой о том случае, когда ты ударил Дарена во время игры. Не собираюсь тебя ругать или наказывать, но хочу понять, почему ты вдруг так разозлился на брата. Вы ведь всегда ладили. Он тебя обидел перед этим? Или чем-то задел?

Тим, насупившись, молчал, продолжая смотреть в тетрадь перед собой. Его руки были под столом, вероятно, сцеплены на коленях, поэтому оценить степень напряжения Сорроу не мог. Он запоздало подумал, что для подобного разговора садиться напротив, через стол, было не лучшей идеей, но менять положение не стал.

– Кто-то другой тебя обидел? Или случилось что-то, что тебя расстроило?

Тим молчал и сидел, не шевелясь. Только тяжело сглотнул, как будто проталкивая вставший в горле ком.

– Тим? – позвал Сорроу мягко, но даже это не заставило сына шелохнуться. – Ты злишься на меня? За что?

Последние вопросы попали в цель – мальчик поднял на него слегка туманящийся от слез взгляд. Тот действительно полыхнул яростью.

– А разве не за что? – хрипло уточнил он. – Ты ведь убил моего отца. Моего настоящего отца. И мою мать тоже. Поэтому я остался сиротой.

Он не спрашивал – утверждал, но нотки неуверенности в тоне все равно проскальзывали. Может быть, следствие затаенной надежды, что все не так.

Сорроу знал, что однажды услышит эти слова. Даже готовился к этому, но полностью подготовиться так и не успел. Он надеялся, что подробности тех событий Тим узнает много позже, когда станет старше. Уж точно не в подростковом возрасте, когда гормональный бунт способен создать трагедию на пустом месте. А не на пустом тем более. Но когда шел сюда после разговора с Браттом, Сорроу уже чувствовал, что день настал.

– Кто тебе это сказал? – как можно спокойнее, хотя внутри все перевернулось, поинтересовался он.

– Какая разница, если это правда? – уже более агрессивно выплюнул Тим. – Ты оставил меня сиротой, а потом взял в свой дом, типа ты такой добренький! Называл меня сыном: зачем? Чтобы контролировать? Или иметь возможность убить и меня тоже, когда придет время, чтобы я, не приведи древние боги, не стал королем?!

– Если бы я хотел убить тебя, то сделал бы это десять лет назад, – очень спокойно заявил Сорроу, отчего гнев Тима задохнулся: парень явно не ожидал такого жесткого и хладнокровного ответа. – Будь я таким, как тебе рассказали, зачем бы я стал тратить время? Я не убивал твою мать, лишь пытался остановить ее, когда она собиралась уничтожить меня. Ее обманули, натравили на меня, и именно тот человек отдал приказ убить ее. Он казнен за свои преступления. Что касается твоего отца… Он тоже пытался меня убить. И не только меня, а сразу несколько дорогих мне людей. У нас был честный поединок, я просто оказался сильней.

Тим сжал зубы и слегка поморщился, сбитый с толку. По всей видимости, кто-то долго и старательно капал ему на мозги, это происходило уже какое-то время. Как он мог это проглядеть? Кто это мог быть?

– Ты лжешь и выгораживаешь себя! – наконец крикнул Тим, вскакивая с места. – Ты лицемер! Ненавижу тебя!

– Тим, давай не будем… Тим!

Парень не стал слушать, смел со стола тетрадь и книги, едва не опрокинул на Сорроу сам стол, но от этого удержался и просто выбежал из класса.

Сорроу не стал его догонять и продолжать разговор. Сын был на грани слез и точно так же не любил их показывать другим. Пусть спокойно выплачется. Его версию он услышал, пусть обдумает.

А у короля была более срочная задача. Вернувшись в кабинет, он вызвал к себе главу службы королевской безопасности.

– Кто-то из тех, кто имеет свободный доступ в резиденцию, рассказал моему старшему сыну о его родителях, настроил его против меня. Тим не говорит, кто это сделал, но я должен знать. Это надо выяснить как можно скорее.

Глава службы безопасности – господин Чоу, имевший весьма необычную для мира за Занавесью внешность, – только посмотрел на короля раскосыми глазами, на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Большинство из тех, кто имеет доступ во дворец или проживает здесь, обладает неприкосновенностью, – спокойно заметил он. – Это может затормозить расследование.

Сорроу покачал головой, сверля Чоу взглядом.

– Вы меня не поняли. У нас тут зреет заговор. Неприкосновенных больше нет.

Глава 5

Лана не сразу поняла, что что-то не так. Сначала она чувствовала радость и облегчение от возвращения Рейна, потом переживала из-за его зыбкого положения и странного состояния после пробуждения. Когда Сорроу подтвердил, что Марек Кролл может остаться Рейном Браттом и вернуться к прежней жизни, она снова обрадовалась. И в результате только через пару дней после посещения дворца заметила, что какая-то непонятная тоска гложет ее все это время.

Потребовалось еще два или три дня, прежде чем Лана смогла разобраться в причинах, а осенило ее весьма неожиданно: утром в начале недели, когда, проснувшись, она не сразу нашла в себе силы встать, хотя ничего не болело и чувствовала она себя как обычно.

Просто Лана не знала, зачем вставать и что дальше делать. Учебу она бросила еще весной, в Легионе ее талант пока толком не использовали, а Братта она уже нашла и вернула. Лана так долго этого ждала, так отчаянно к этому стремилась, что полностью растворилась в своей цели. И достигнув ее, вдруг снова

оказалась лишена смысла жизни. А Лана отчаянно в нем нуждалась.

Хотя официально она состояла на службе в Легионе в качестве гражданского консультанта, с тех пор, как сдала Варту все необходимые зачеты, огромное, уродливое в своей скучности здание в центре города навещала только тогда, когда ее привлекали к расследованию. Раньше ее вполне устраивало, что происходило это редко, но теперь все изменилось. И Лана, откинув в сторону одеяло, твердо решила, что изменит и свое положение в Легионе.

К формальному началу рабочего дня она, конечно, опоздала, но это едва ли можно было считать проблемой: многие приходили и уходили тогда, когда этого требовало дело.

Варт, например, судя по кружке с еще теплым чаем на краю стола, успел уже не только прийти, но и куда-то убежать. К тому моменту, как Лана устроилась за своим столом в их общем маленьком кабинете, он как раз вернулся. Стремительно влетел в кабинет, едва не споткнулся на ровном месте, увидев Лану, и почему-то с тревогой посмотрел на свой стол, на котором лежали в беспорядке какие-то папки.

Да, оставлять рабочую документацию на столе было против правил, даже если выходишь из кабинета на минутку, но все так делали. Можно подумать, Лана могла рыться в ней в его отсутствие! Стало даже немного обидно, что он так подумал.

– Лана, доброе утро! Какими судьбами?

– Так ведь я здесь работаю, – напомнила она, обезоруживающе улыбнувшись. – Вы не особо меня загружали все это время, пока я осваивала процедуры, тренировалась в снохождении и… искала Братта, но теперь я готова ко всему и в полном вашем распоряжении. – Она широко развела руки в стороны, демонстрируя эту готовность. – Так чем займемся?

Варта ее энтузиазм заметно смутил. Он нахмурился, подошел к своему столу гораздо медленнее, чем собирался, если судить по скорости появления в кабинете, и принялся складывать папки в стопки. То ли просто не зная, куда деть руки, то ли все-таки не хотел, чтобы Лана увидела какую-то из них, неосторожно брошенную в свободном доступе.

– Честно говоря, я не уверен, что в настоящий момент у нас есть подходящая задача для тебя.

– Но, Варт, не обязательно же использовать меня только в сложных случаях! – Улыбка Ланы не дрогнула, хотя сама она испытала разочарование. – Я могу помочь практически в любом расследовании.

– Проблема в том, что не во всех расследованиях тебя можно использовать, – осторожно признался наставник. – Сама понимаешь: ментальное вмешательство нарушает ряд гражданских прав. Поэтому обычно мы используем твой дар в случае убийств для проникновения в сознание того, кого уже нет. А я сейчас расследую кражу.

Лана перестала улыбаться и посмотрела на него, подозрительно прищурившись.

– Кражи – это ведь не ваш профиль, Варт. Обычно вы занимаетесь более… серьезными делами.

– Все зависит от того, что и у кого украли, – криво улыбнулся наставник, наконец закончив собирать папки и спрятав их в сейф.

Лане показалось, что он едва заметно выдохнул с облегчением, когда это произошло.

Она тут же вскочила со стула и переместилась на край стола, чуть ближе к Варту, пытливо глядя на него.

– А что, у нас обворовали короля? – поинтересовалась, заговорщицки понизив голос.

Варт непроизвольно дернулся.

– С чего ты взяла?

– С того, что мы столкнулись в королевской резиденции. – Лана только пожала плечами, считая ответ очевидным. – И кого еще нужно было обокрасть, чтобы

этим занялся следователь вроде вас?

Наставник рассмеялся, качая головой, и расслабленно опустился в кресло. От его не то испуга, не то смятения не осталось и следа.

– Лана, мне очень приятно, что ты столь высокого мнения о моей квалификации и положении в Легионе, но все гораздо прозаичнее. К сожалению, я не имею права рассказать тебе, как именно: тайна следствия, сама понимаешь. Но и взять тебя в свою группу не могу. Не положено тебе погружаться в сны живых, даже если это ускорит расследование кражи.

– Да? Жаль… – заметно сникла Лана. Но быстро сдаваться она не привыкла, поэтому тут же предложила другой вариант: – А как насчет того темного, в сон которого я погружалась по вашей просьбе? Мне ведь так и не удалось выяснить, кто его убил. Кто расследует это дело теперь? Может быть, вы порекомендуете меня в их группу? Я бы попробовала погрузиться снова…

– Мне жаль, Лана, – перебил Варт, изображая сочувствующую улыбку. – Но то дело закрыто.

– Серьезно? – удивилась она. – Уже нашли убийцу?

– Не было убийцы. Потому и не было второго темного следа. Парень, судя по всему, сошел с ума или что-то в этом роде. Он сражался с вымышленным соперником.

– С чего это взяли? – нахмурилась Лана. – Звучит как-то… Как отписка!

– Он погиб от собственного темного заклятия, – пояснил Варт. Улыбка окончательно исчезла с его лица. – Нелепый рикошет. Никто не видел, как кто-нибудь приходил или уходил, следящие чары, наложенные самим темным, ничего не зафиксировали: ни визитов пешком, ни открытия порталов. Все выглядит так, словно ему что-то померещилось или приснилось, и он слетел с катушек.

Лана скрестила руки на груди, нахмурившись еще сильнее.

– За ним подобное уже наблюдалось? Или он принимал какие-то наркотики?

Варт пожал плечами и равнодушно обронил:

– Не все сходят с ума долго, иногда это случается стремительно.

– Но если нет явных свидетельств…

– Лана, дело закрыто, – с нажимом повторил Варт, несколько резче, чем позволял себе обычно.

И тут же виновато улыбнулся, встал и подошел к Лане, неожиданно коснулся ее плеча, чего тоже никогда раньше не позволял себе делать.

– Мне жаль, но сейчас у нас нет для тебя работы. Отдохни. Ты несколько месяцев трудилась на износ, пусть и не на благо Легиона. Можешь позволить себе перерыв. Как только что-то будет, обещаю, я сразу тебя вызову. А сейчас иди домой.

Он вышел из кабинета, снова куда-то заторопившись. Возможно, его вызывало зеркало, но он не захотел говорить при Лане. Она прислушалась, стараясь уловить его голос за дверью, но звуковой полог, наложенный практически на каждый дверной проем в Легионе, ничего не дал ей услышать. Да и вряд ли Варт станет говорить прямо под дверью, если Лана может из нее выйти.

– Отдохни, – передразнила она наставника и состроила закрытой двери недовольную рожицу. – А если я не устала?

Лана сердито вздохнула. Она всегда сердилась, когда что-то шло не так, как она задумала, но в этот раз ее разозлило еще и отношение наставника. Эти несколько месяцев он во многом был ее поддержкой и опорой: хвалил, когда у нее с первого раза получалось сдать зачет, утешал, когда не получалось, уверял, что ее талант может оказаться очень полезен. А сейчас как будто торопился выгнать и услать подальше.

Интересно, почему?

Ее взгляд зацепился за абсолютно пустую поверхность стола Варта, потом прыгнул на сейф. Что такого он боялся ей случайно показать? Что за странную кражу расследует? И почему вдруг убийство темного, из-за которого Легион сначала так всполошился, теперь просто списали на нелепый несчастный случай?

Лана оттолкнулась от края стола и медленно дошла до сейфа, в который Варт спрятал документы, уставилась на его дверцу так, словно могла увидеть содержимое сквозь нее. Может быть, она сейчас придумывает от скуки, но ей казалось, что все три вопроса связаны между собой. Лана расплела скрещенные на груди руки и коснулась дверцы сейфа, уже жалея, что не подглядела в папки на столе Варта хоть одним глазком.

Распахнувшаяся дверь заставила ее нервно подпрыгнуть на месте и отдернуть руку, однако вместо наставника на пороге показалась женщина с очень темными глазами и волосами и немного более смуглой кожей, чем у самой Ланы.

Уж лучше бы вернулся Варт.

– Индира! – Лана попыталась изобразить широкую улыбку, но и сама поняла, что получилось крайне фальшиво.

Индира Хитрик слегка прищурилась, увидев ее, и, конечно, обратила внимание на то, что Лана стоит у сейфа.

– А Варта нет, он только что вышел, – сообщила Лана, неторопливо перемещаясь к своему столу.

Индира моргнула, но не шелохнулась. Она была не очень-то разговорчива, зато умела метать убийственные взгляды. И один такой как раз атаковал Лану.

– И я, кстати, тоже ухожу, так что можешь подождать его здесь, – добавила Лана, схватив свою сумку и бодро зашагав к двери.

У порога ей пришлось притормозить и повернуться бочком, чтобы протиснуться между дверным косяком и застывшей в проеме Индирой. Та посторонилась уже в последний момент, давая пройти.

А потом ее взгляд какое-то время жег Лане спину, пока та торопливо удалялась по коридору.

* * *

В доме Аранта Лану давно встречали как свою и выполняли любые просьбы, возводя их в ранг распоряжений. Вот и сегодня никто не стал спорить, когда она сказала, что хочет навестить Братта, но просит не докладывать ему о ее приходе. Ей только сообщили в ответ, что Братт находится в своей комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/letnyaya_lena/mental-nyy-fakul-tativ-uroven-temnyh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити